

После Юга про Юг

Ире Камардиной

и всем боевым подругам ...

Ты уехал на Юг, а здесь

Настали жаркие дни.....

И. Бродский

Сидя в серых московских стенах, посреди дождя и холодного ветра, трудно представить, что Лето еще здесь.

И что совсем рядом, недавно...3 дня назад...

Загар, как заговорщик, хранит жаркий блеск песка и солнца, грубоватую тайну Юга.

Песчинки, прилипшие к коже, соль на губах, тяжелые от морской воды волосы. Ромашка.

Свет преломляется звездочками на мокрых стрелках ресниц, гудят после усилий плечи и руки, и слышно собственное дыхание.

У воды крепко стоит загорелый плаврук. Мотает свистком, смотрит прищуренными глазами: солнце в лицо, а москвички все не тонут. А как было бы хорошо поднять из воды за пятку, небрежно спросив: “Чье?”...Дескать, мы – люди простые, свое дело знаем. И этих отдыхающих у нас...

11-й отряд, в воду! (Лена, отойди от дяди!)

Ветер гонит по поверхности моря бляшки солнечных вспышек. Рука плывущего дробит их на безопасные осколки: в ушах вода, не слышно звона. Ты видишь свое атласно (атасно, опасно!)-медное плечо, и рука уходит в синюю глубину, гребком проталкивая вперед все тело.

Целое море снисходительно держит маленькую тебя. Далеко позади пляж, дети, лагерь, еще дальше – дом и Москва. Ты и море, над вами – небо, впереди – горизонт. Облака, опускаясь на край моря, свивают нить горизонта. Волны обманчивы, слева скала, и только глядя на нее можно определить меру своего продвижения.

Ветер, жаркое дыхание Юга, касается твоего лица. Он такой плотный,

что его проще пить, чем дышать.

Ты задерживаешь поднятую над водой руку, и с пальцев, медленно созревая, падают крупные сияющие капли: ты им не хозяйка, а сестра...

Возвращаясь, начинаешь запоздало торопиться у буйков – хоть трое других “с детьми” (так здесь ставят ударение!), но пора на рабочее место. Загорать.

Привыкшие к воде ноги тяжело и непослушно ступают на мокрый песок, набегающая волна удерживает за щиколотки. Горячие камешки обжигают ступни, ты падаешь на синий в солнышках матрасик, отбояривая у рядом лежащих поп кусочек места. Панамку на голову, руки бросить вдоль тела, глаза закрыть и лениво слушать шум моря, скрип песка под ногами мимо ходящих (что им не сидится?) и перебранки детей: да ты мне камнем по голове дал, а ты меня чуть не утопил, это мое место, я первый с маской...

Ваня, где твои трусы? Саша Детков, иди под зонтик. Что “почему?” Начинается... (Лена, отойди от дяди). Боже, 11-й отряд опять в воду...

Ты лежишь пластом, безвольно уступая надзор за Бобрами и Пушистиками вечно юным и бдительным плаврукам. Неизвестно, каковы они на деле, но вид у них надежный.

Стада бычков пасутся в полях...

А ты валяешься на пляже, у тебя в голове две мысли – и те неоконченные.

Дети могут все.

Вставать в семь утра в очередь за веником, съесть по 10 кусков хлеба после полного обеда, не спать в тихий час и вечером два часа скакать на дискотеке.

Нельзя закрывать корпус до 23.30 – иначе аппаратуру с дискотеки понесут по карнизу мимо нашего окна. И если не свалятся, то спуют в туалете (хороша акустика!): “Красиво ты вошла в мою жизнь, красиво ты ушла из нее!”.

Замок на нашей двери сбила, конечно, Лена Ривкина. Она же села на карниз, и он треснул.

Если б наш отряд жил в средние века, у нас не было бы проблем со

стенобитными орудиями. По крайней мере, с одним.

Что там ваша Генуэзская крепость! Про осадное положение и нехватку пресной воды мы понимаем. Правда, сауны у них не было...

Дрова рубить – мужское дело: “Лесоповал не пьет!” (только в сказке!).

“Это – тебе...”

Дольше всего помнишь о том, чего не досталось. Она съела – и забыла. Но наша доля - больше. Мы получили пароль.

Пароль – отзыв. Отзвук. Отсвет. “Новый свет”. Облака.

“Уносясь дружно вдаль,
оставляют нам печаль..”.

Знаешь, все еще будет.

Наше – с нами, и никто этого у нас не отнимет.

И потом - Москва лучше! Везде.

Мы приехали не к кому-нибудь. Мы приехали – к себе.

ЗДРАВСТВУЙ!!.....

28 августа 1999 г.